

Исторические портреты. ГЕНРИХ IV ФРАНЦУЗСКИЙ

Автор: С. Л. Плешкова

Плешкова София Леонидовна - кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Генрих IV - первый представитель династии Бурбонов, последней правившей на французском престоле. После Карла Великого он стал первым французским королем, прозванным Великим. Французы связывали с его именем конец религиозных (гражданских) войн 1562 - 1594 гг. и обретение права на свободу вероисповедания.

Личность Генриха IV всегда привлекала внимание своей неординарностью. Как писал один из обожателей короля, его современник В. -П. Палма-Кайе "Вряд ли найдется в истории такой государь, достоинство и положение которого вызывало бы столько споров". На французском престоле впервые оказался бывший еретик. Преемник наихристианнейших королей, защитников католической церкви был кальвинистом и отрекся от протестантской веры в ходе последнего акта гражданских войн на марше перед воротами Парижа. Искренность отречения Бурбона ставилась под сомнение, возбуждая желание разобраться в деталях такого прозелитизма. Большое любопытство вызывала частная жизнь короля: невольник женщин был известен бесчисленными победами. И даже насильственная смерть Генриха IV, потрясая Францию, породила много разных слухов, дав импульс к появлению легенд о короле и его деяниях. На политической арене Франции появился король, восхищавший и удивлявший современников своей нетрадиционностью во взглядах и действиях.

Генрих IV родился 13 декабря 1553 г. в Беарне в фамильном замке По, принадлежащем его деду по материнской линии королю Наварры Генриху д'Альбре. Наследника нарекли в честь деда. Отец младенца - первый принц крови Антуан Бурбон, герцог Вандом, владелец герцогства Вандом, а также графств и бароний на севере Луары. Мать Генриха, давшая ему титул короля Наварры, - Жанна д'Альбре, дочь Маргариты Наваррской и Генриха д'Альбре. По материнской линии Генрих приходился внучатым племянником королю Франциску I (1515 - 1547)).

Детские годы Генриха прошли в Беарне, местная знать которой по своему образу жизни весьма отличалась от столичной аристократии. Неприхотливые и горячие южане воспитывали своих детей, рано приобщая их к охоте и к дальним путешествиям верхом на лошади или муле. Первый Бурбон рос в среде, не знавшей ни придворной изысканности, ни условностей высшего света. Его дед хотел, чтобы внука, как крестьянских детей его

стр. 65

возраста, не баловали ни едой, ни одеждой. Вольная жизнь в согласии с природой с ранних лет воспитала в будущем короле вольнолюбивый нрав, выносливость и

непритязательность, наградив его крепким здоровьем.

Вместе с тем, в Генрихе как наследнике принца крови и короля Наварры рано стали воспитывать чувство королевского достоинства. Ему еще не было двух лет, как после смерти деда в связи с вступлением Жанны д'Альбре в права наследования, его представили как принца перед собранием депутатов от сословий Беарна. В возрасте пяти лет при дворе французского короля Генриха II его встречали как наследника первого принца крови Антуана Бурбона и короля Наварры. Он был даже назван регентом и генеральным наместником короля и королевы Наваррских, хотя функции малолетнего регента выполнял его попечитель.

Начиная с 1560 г., жизнь юного Бурбона, едва достигшего семилетнего возраста, изменилась. Причиной этого стали два обстоятельства, сыгравшие существенную роль в судьбе Генриха. Первое было связано с новообращением Жанны д'Альбре. Королева Наварры приняла кальвинизм, публично объявив о своем выходе из католической церкви. Получив причастие от министра реформаторской церкви, она занялась насаждением протестантизма в Наварре. Малолетний Генрих был обращен матерью в новую веру. Жанна д'Альбре нашла для сына воспитателя и учителя из числа ревностных протестантов. Маленький христианин без сопротивления воспринял новый мир, который открывался перед ним вместе с кальвинизмом; одновременно с верой он приобщался к изучению древних языков и к чтению, до сих пор остававшимся вне его интересов.

Обращение Генриха в протестантизм произошло в те годы, когда Франция стремительно приближалась к гражданским войнам. С распространением кальвинизма длительная социальная напряженность, сопутствовавшая абсолютизму, подогревалась конфессиональными разногласиями, а временное ослабление престола из-за внезапной кончины Генриха II благоприятствовало удовлетворению амбиций оппозиционно настроенной знати. Первой пробой сил стал неудачный дворцовый заговор в Амбуазе в 1560 году. Потопленный в крови, он имел широкий резонанс во Франции, поставив власть перед необходимостью срочно принять меры. В этих условиях регентство при малолетнем Карле IX, на которое по праву претендовал первый принц крови Антуан Бурбон, королеве-матери Екатерине Медичи представлялось нежелательным. Сохранив за собой это право, она сделала Бурбона генеральным наместником Франции. Новое положение обязывало принца крови находиться при дворе. Так, в 1561 г. семья Антуана Бурбона - его жена Жанна д'Альбре и двое детей Генрих и Екатерина - оказались в Париже. 8-летний наследник Бурбона удостоился чести сидеть за одним столом - между юным Карлом IX и его сестрой Маргаритой Валуа. С этого времени будущий король Франции был вынужден подчиняться чужой воле в лице королевы-матери, став заложником ее политики. Это было второе роковое событие в жизни Генриха.

Еретик по вере и законный наследник первого принца крови и короля пограничной с Испанией Наварры был бесценным подарком для французской короны. А потому его судьбой распорядились, не мешкая. Уже в 1557 г., в момент представления юного Бурбона ко французскому двору, возник план бракосочетания наследника Наварры с принцессой Маргаритой Валуа а которому было суждено осуществиться через 15 лет.

Придворная жизнь в Париже способствовала быстрому повзрослению Генриха. К тому же произошли серьезные перемены в его семье. Конфессиональные разногласия

между родителями и политические амбиции старшего Бурбона сделали невозможным сохранение семьи. Разрыв произошел в 1562г., спустя год со дня пребывания в Париже. Это вынудило мать Генриха Жанну д'Альбре покинуть двор. В отсутствие матери Антуан Бурбон пытался обратиться к отцу, но это ему не удалось: мальчик отказался от католического причастия и не ходил к мессе.

Личная драма юного Генриха разыгрывалась на фоне общей трагедии, которую переживала Франция, вступив в 1562 г. в гражданскую войну.

стр. 66

Начиная с этого времени, война будет сопутствовать Генриху Бурбону почти до конца его жизни, она сформирует характер будущего короля. Закалка, полученная в раннем детстве и воспитавшая в Генрихе выносливость, неприязнительность и привычку к аскетическому образу жизни, окажется полезной; приобретенные качества пригодятся в военных походах.

В год начала гражданских войн Генрих становится первым принцем крови: смерть отца позволяет ему занять его место. Девятилетнего наследника Антуана Бурбона удостаивают всеми почетными титулами. Беарнский принц назначается губернатором и адмиралом Гиени. В 13 лет он был признан наследником всех владений своей матери Жанны д'Альбре. Королева Наварры возила его в Беарн на встречу с местными протестантами.

Свое первое боевое крещение 15-летний Генрих Бурбон принял в Ла-рошели в 1568 - 1569гг., находясь рядом с главой протестантской партии принцем Конде и адмиралом Колиньи. Юноша обнаружил недюжинные военные способности в столкновении с армией католиков и по праву разделил победу с протестантами, захватившими крепости в провинциях Оне, Сентонж и Керси. В те годы стараниями Жанны д'Альбре Ларошель превращалась в оплот протестантизма. Первый опыт правления будущий король получил именно здесь. Генрих Бурбон постепенно превращался в ученика, обучающегося навыкам правления, в политика, наделенного властью.

Возмужание первого принца крови делало его завидным женихом и претендентом на достойную партию. Старый проект бракосочетания Генриха с Маргаритой Валуа, несмотря на изменившуюся обстановку, был по-прежнему привлекательным для обеих сторон. Жанна д'Альбре рассчитывала женитьбой сына укрепить свое положение не только в Наварре, но и во Франции. Екатерина Медичи видела в браке двух семей королевской крови разрешение конфессионального вопроса - мирное сосуществование двух религий и кроме того, расширение владений французского дома за счет присоединения протестантского юга. Вместе с тем, планируемое бракосочетание имело негативные стороны, прежде всего для королевы Наварры и принца: их деятельность должна была стать подконтрольной и корона получила бы право завладеть Наваррой. Брачные планы обретали политическое значение. Круг участников борьбы включал в себя не только брачующиеся семьи, но и весьма влиятельные персоны за пределами Франции. Что касается молодых, то для Генриха брак сулил очевидные выгоды: он расширял перспективы получения большей

власти. Кроме того, для молодого человека весьма велик был соблазн обладать самой привлекательной французской принцессой. Впрочем, вряд ли завидный жених имел право свободного выбора и мог отказаться от предложения: пленник французского двора принц крови мог разве что мечтать об этом. В свою очередь, Маргарита Валуа не возражала против предполагаемого брака. Ее привлекала возможность стать королевой Наварры.

Между тем, гражданские войны, перемирия и новые взрывы религиозного фанатизма оказывали негативное влияние на готовящуюся свадьбу. За два месяца до торжественного события в сомнениях и страхе за будущее сына скончалась Жанна д'Альбре. "Я получил самую печальную новость, какую только мог получить в этом мире - весть о потере королевы, моей матери. Бог призвал ее к себе. Я не могу Вам передать, в какой печали нахожусь" ¹, - писал Генрих. За месяц до свадьбы в полном трауре Генрих Бурбон явился ко двору. На этот раз Париж его встречал не только как первого принца крови, но как короля Наварры.

Свадьба состоялась 18 августа 1572 года. В церемонии бракосочетания католички и протестанта были соблюдены все необходимые для такого случая условности. Кардинал Лотарингский обручил молодых в Лувре, а затем торжественно сочетал их у входа в Нотр-Дам. Как протестант, Генрих Наваррский не мог присутствовать на торжественной мессе. "Наша свадьба, - напишет Маргарита Валуа в мемуарах, - совершалась с таким триумфом и великолепием, как никакая другая, король Наварры и его свита были в богатых и красивых одеяниях, а я - по-королевски в бриллиантовой

стр. 67

короне и горностаевой пелерине, трен моего голубого платья несли три принцессы, свадьба совершалась по обычаю, предусмотренному для дочерей Франции".

Однако долгожданное бракосочетание не оправдало возложенных на него надежд. Супружеская жизнь не состоялась, несмотря на то, что Маргарита Валуа и Генрих Наваррский 28 лет официально считались супругами. Как можно предположить, основываясь на мемуарах Маргариты Валуа, причиной несостоятельности брака стала физическая неприязнь Маргариты к супругу. При расторжении этого брака Генрих Наваррский ссылаясь на неспособность Маргариты к деторождению. О необычных для молодоженов отношениях заговорили при дворе сразу же после свадьбы. Поводом послужили нескрываемые увлечения супругов. Пассией Генриха Наваррского стала Шарлотта де Бон мадам де Сов, супруга государственного секретаря. Избранником Маргариты Валуа - Жозеф Бонифаций сеньор де Ла Моль. Эта история вызывала любопытство у жадного до подобных событий двора. Странное супружество беспокоило королеву-мать Екатерину Медичи, докучавшую дочери расспросами. Ответ на всех интересовавший вопрос Маргарита дала только в своих мемуарах, написанных на склоне лет. "Она (Екатерина Медичи) спросила меня, - писала Маргарита Валуа, - является ли мой муж настоящим мужчиной, добавляя при этом, что если нет, то она найдет способ развести меня с ним... По правде говоря, тогда я могла ответить только как та римлянка, которая сказала своему мужу, что у него дурно пахнет изо рта, а он рассердился на нее и заявил, что

все мужчины такие" (имелась в виду жена римского консула Гая Дуилия).

Так или иначе, но будущий король Франции в 19 лет потерпел на любовном фронте поражение, которого не знал ни до, ни после этого. Но это был не, единственный сюрприз, который готовила ему свадьба. Не успели отзвучать свадебные приветствия, как двор был поражен известием о покушении на адмирала Колиньи, одного из вождей протестантов, а вслед за этим началась расправа над протестантами Парижа. События в ночь на 24 августа (на св. Варфоломея) были лишь одним из эпизодов гражданских войн. Однако для протестантов и Генриха Наваррского это обернулось личной трагедией. По стечению обстоятельств именно здесь протестантским силам был нанесен ощутимый удар: казнили адмирала Колиньи и истребили цвет провинциального протестантского дворянства, собравшегося по случаю свадьбы. Более того, угроза нависла и над Генрихом Наваррским. Серьезность положения усугублялась тем, что в отличие от предшествующих лет гражданских войн корона, отступив от прежней политики веротерпимости, не препятствовала расправе над еретиками. В этих условиях у Генриха Наваррского не было выбора. И наваррец вынужден был отречься от протестантизма и вернуться в лоно католичества. Как это случилось - неизвестно. Имеются сведения только о том, что в конце сентября того же 1572 г. Генрих Наваррский присутствовал на мессе. Если верить Маргарите Валуа, то она сыграла решающую роль в спасении супруга. В мемуарах, там, где она пытается объяснить неприятие Генриха как мужа, говорится о том, что "как бы то ни было, поскольку мать выдала меня замуж, я хотела остаться с Генрихом, подозревая, что нас с ним пытаются разлучить, чтобы сыграть с ним какую-нибудь злую шутку" ². Возможно, что Маргарита преувеличивала свою роль в этой истории. Мемуары писались в период правления Генриха IV, когда от его милости зависела судьба бывшей подопечной противников Бурбона. Маргарита, безусловно, желала, если не напомнить о своем подвиге, то хотя бы придумать легенду о нем, дабы заслужить монаршее расположение.

В обширной переписке Генриха не имеется никаких упоминаний об этом факте. Возможно, что королю-победителю не хотелось вспоминать о вынужденном поражении, ведь в то время, приняв католическую веру, он был втянут в политическую борьбу. Новообращенца использовали для усмирения очага сопротивления - Ларошели, его вынудили подписать уезд о восстановлении католицизма и запрете протестантского культа в Беарне. Не

стр. 68

исключено, что прозелитизм мог быть и тактическим ходом Генриха Наваррского. В годы вынужденного плена при дворе Карла IX и Генриха II будущий король Франции научился политической игре, которой искусно владело его окружение. Придворная жизнь - балы, маскарады, любовные утехы, которым предавался темпераментный южанин, как будто не оставляли места для серьезных раздумий. Между тем, мысль о возвращении в Беарн никогда не покидала наваррца. В письме к своему бывшему гувернеру (январь 1576 г.) он писал, что надеется на Божью помощь в осуществлении своих планов и делился впечатлениями о придворной жизни, сообщая, что двор находится в состоянии междуусобной войны, где все готовы

перерезать друг другу глотки. Пленник Лувра мечтал о свободе, видя единственную возможность обрести независимость в побеге. В феврале 1576 г. во время королевской охоты ему удалось осуществить свой план.

С этого начался самый трудный и долгий период самостоятельной жизни Генриха Наваррского. К тому времени, когда король маленькой Наварры покинул французский двор, протестанты Южной Франции создали политическую организацию - "Соединенные провинции юга" - конфедерацию южно-французских городов. Это было проявление сепаратизма протестантов. После Варфоломеевской ночи сепаратисты разорвали с Парижем и вышли из-под повиновения Карлу IX. Генрих Наваррский поддерживал своих бывших единомышленников. Но для участия в совместной борьбе он должен был отречься от католицизма. Вера отцов стала препятствием и на пути к власти. И снова наваррец в угоду мирским интересам меняет веру. Спустя 4 года после принятия католицизма он торжественно отрекается от него и в тот же год вступает в цитадель протестантизма. Ассамблея сословий в Монтобана объявляет его королем Наварры и покровителем союза протестантов и умеренных католиков.

Новоявленный король, власть которого не была освящена (протестанты исключали эту необходимость), стал укреплять армию, превращать города в крепости и готовиться к войне. Одновременно он провел частичную секуляризацию богатств католической церкви. Обретя власть над юго-западной частью Франции, раскинувшейся между Тулузой и Бордо, Пиренеями и Пуату, 24-летний король делал решительные шаги по укреплению протестантского объединения. В эти годы у него выработался свой принцип управления, которого он старался придерживаться и позже, став королем Франции, - укреплять связи с провинциями. Он верил, что сила власти в ее поддержке не столько в центре, сколько в провинциях. Залог доброго управления Генрих Наваррский видел в умело подобранных советниках. Молодой король отбирал членов своего ближайшего окружения, ориентируясь на профессионализм и вассальную преданность советников. И хотя он стремился опираться на протестантов, в его совете были и католики.

Освобождение из парижского плена и обретение власти благоприятствовало устройству личной жизни короля Наварры, причем такой, какую он сам желал вести. Вырвавшийся из Лувра, где даже в постели пленительной мадам де Сов нельзя было терять бдительности, Генрих Наваррский отдался во власть необузданной страсти. Красивый наваррец не испытывал недостатка во внимании со стороны дам и как будто пытался взять реванш за униженное мужское достоинство. Юный Максимилиан де Бетюн, будущий сюринтендант Сюлли, бывший в то время пажем Генриха, представил портрет своего короля: "Он был статным, сильным, дородным, имел хороший цвет лица и живые приятные черты, Его обхождение было столь дружественным и привлекательным, что даже строгость и важность, которые он иногда употреблял, никогда не отнимала у него врожденного доброго и веселого выражения лица".

Нерак, столица Наварры, стал местом страстных увлечений и колыбелью большой любви Генриха Наваррского к молодой вдове Диане д'Андуен, графине де Грамон. Ровесница Генриха и гасконка по рождению Диана была подругой сестры наваррца Екатерины Бурбон. Письма Генриха к возлюбленной - свидетельства искренней

ен, которая не только стала любовницей, но и заменила мать королю Наварры. После смерти Жанны д'Альбре Генрих впервые мог быть естественным и довериться любимой женщине, не притворяясь и не опасаясь предательства. "Есть две вещи, в которых я никогда не сомневался - в Вашей любви и в своей верности к Вам", - писал он Диане.

В Нераке Генриха Наваррского навестила Маргарита Валуа. Там же произошел окончательный разрыв между супругами. Не ощущая себя связанной брачными узами и даже находя пикантность в своем положении, Маргарита Валуа была оскорблена цинизмом мужа, давно не считавшего ее женой и потому по-дружески доверившего ей заботу о своей пассии, находившейся в интересном положении.

Мирный неракский период в жизни Генриха Наваррского был прерван в связи со смертью младшего Валуа герцога. Алансонского, кончина которого означала угасание правящей династии: царствующий 33-летний Генрих III не имел потомства. Единственным законным наследником престола оставался принц крови Генрих Наваррский - представитель новой династии Бурбонов. В его лице официальный Париж видел союзника, могущего противостоять оппозиции абсолютной власти Генриха III. Поэтому в Беарне одни доверенные лица короля сменяли других, и сама королева-мать Екатерина Медичи, несмотря на разрыв наваррца с ее дочерью, уговаривала зятя вернуться в Париж и занять место принца крови. Бурбон отказывался; слишком дорогой была цена возвращения - отречение от протестантской веры.

Между тем, предвидя возможный союз Генриха Наваррского с Генрихом III, оппозиция в лице Католической лиги вместе с папой предприняли бешеную атаку на наваррца. В 1585 г. была обнародована булла папы Сикста V, в которой Генрих Наваррский объявлялся еретиком. Этот дерзкий шаг имел своей целью лишить законного наследника французского престола права на корону. Оппозиция торжествовала победу, она выдвигала на королевский престол своего кандидата - старого Карла Бурбона, дядю Генриха Наваррского, демонстрируя приверженность традиции и праву, согласно которым право на корону имели первый принц крови, либо его прямой наследник, в крайнем случае, ближайший родственник по мужской линии. Никогда еще при живом короле не стоял так остро вопрос о наследнике престола. Это был вызов, брошенный власти, проявление неприятия ее политики. Ситуация осложнялась и тем, что во внутривнутриполитические дела Франции вмешались внешние силы. Испанский король Филипп II поддерживал католическую оппозицию и Карла Бурбона, рассчитывая в случае удачи на признание испанской инфанты Изабеллы первой претенденткой при выборе супруги французского короля. Католическая оппозиция допускала иноземное вмешательство в дела Франции. Однако, таким образом защищая конфессиональное единство и верность традиции, она не учла общественного мнения и обостренность национальных чувств. Годы гражданских войн, разделившие французов по конфессиям и сделавшие страну легкой добычей для соседей, заставили наследников древних галлов сделать выбор в

пользу короля-протестанта, свободного от иноземного давления.

В это ответственное время армия Генриха Наваррского начала военные действия. В октябре 1587 г. она одержала блестящую победу над оппозицией при Кутра. Но это было только начало, 7 долгих лет, отражая сопротивление и терпя поражения, Генрих Наваррский боролся за престол и за независимую Францию. Все эти годы на его пути стояла католическая оппозиция, поддерживаемая церковью и папой. В смертельной схватке с оппозицией в 1589 г. погиб последний представитель правящей династии король Генрих III.

Смерть Генриха III, как и августовская трагедия в Париже 1572 г. стали уроком для Генриха Наваррского, убедив наследника престола, насколько бесперспективно силовое решение конфессионально-политических вопросов. Правление последних Валуа показало опасность следования конфессиональным интересам. Религиозность и даже склонность к экзальтации верного католика не позволила Генриху III подняться над

стр. 70

конфессиональными интересами и тем более отступить от них при решении общенациональных государственных проблем. Религия, власть, общенациональное примирение - эти три слагаемые никак не совмещались в политике короля. Учитывая печальный опыт, Генрих Наваррский все более убеждался, что ключ к умиротворению не в использовании силы, а в переговорах и взаимных уступках - в компромиссе. Уход с политической арены Генриха III открывал перед законным наследником французского престола дорогу к власти, хотя и весьма нелегкую. Еретику с небольшой армией преданных людей противостояла Католическая лига, поддерживаемая римским папой и Испанией. Кроме того, Генрих Наваррский не был уверен в позиции большей части французов-католиков, хотя и не разделявших радикализма лигеров, но остававшихся преданными вере отцов. Перед наваррцем по-прежнему стоял вопрос - быть или не быть. Католики настаивали на его отречении, протестанты опасались последствий этого новообращения.

В августе 1589 г. на правах законного наследника французского престола протестант Генрих Наваррский выступил с декларацией, в которой обещал поддержать во Франции римско-католическую религию в ее целостности, более того он уверял, что имеет большое желание просветить себя в католическом вероучении, для чего имеет намерение разрешить галликанской церкви созвать национальный собор. Декларация не предусматривала нарушения социального статуса ни католиков, ни протестантов, однако обещала вернуть католикам отнятое у них имущество.

Заявление наваррца не осталась без ответа: два принца крови - Генрих герцог Монпасье и Франциск принц Конти, кузен Бурбона согласились с этой декларацией. К ним присоединились еще три герцога и пэра, два маршала и несколько представителей высшего чиновничества. Это означало, что Генриха поддерживали как законного короля в соответствии с основным законом королевства, но при условии, что он не только не предпримет ничего нового в решении

конфессионального вопроса, но и сам вернется в католическую церковь.

Впрочем этого было мало; согласие принцев крови и представителей знати не отражало настроения всего общества. Дворянство же в общей массе было недовольно заявлением претендента на престол. Кроме того, к концу 1589 г. почти все крупные города выступали за Католическую лигу. На стороне Генриха Наваррского оставались южные и западные города, образовавшие центр верности. В противовес Испании и папе король Наварры мог рассчитывать на помощь английской королевы, немецких протестантских князей, Нидерландов и Венеции. Но союзники ставили свои условия. Положение складывалось не простое.

Однако письма Генриха Наваррского той поры отражают скорее не пессимизм, а фатализм человека, доверившегося своей звезде. Крушение плана посредством мирных переговоров и национального собора прийти к согласию заставило наваррца принять вызов оппозиции и готовиться к войне, прибегнув к новой тактике. Он разделил армию на три части: одну направил к Шампани, другую к Пикардии, третью - к Нормандии. Северное побережье открывало связь с союзницей Англией.

Первой победой было взятие Дьеппа. Армия Генриха Наваррского наступала с севера на центральную часть Франции. В 1590 г. она расположилась в окрестностях Тура. "Доверяя своей звезде, даже если фортуна захочет нас высмеять, я тем не менее утверждаю, что ничто: ни ненастная погода, ни злые собаки не помешают мне следовать моей дорогой и расположиться в Париже", - писал Генрих Наваррский. За Дьеппом и Туром следующую победу принесла битва при Иври в марте 1590 года. Ее описал Агриппа д'Обинье, отметив бесстрашие короля Наварры. С армией меньшей численности и с незначительной помощью иностранных наемников Генрих Наваррский выигрывал битву за битвой. Его доблесть стала предметом обсуждения и нашла отражение в публицистике. Короля Наварры изображали национальным героем, противопоставляя его лигерам, раз-

решившим испанскому королю распоряжаться судьбой французского престола. Это был ответ владыке Эскориала, заявившему о готовности использовать все средства, в том числе пожертвовать жизнью, для очищения Франции от ереси.

Генрих готовился к осаде Парижа. Предвидя сложность этой операции и не желая подвергать город разгрому, он решил отрезать его от источников снабжения и заставить голодных парижан сдаться. По его приказу были сожжены мельницы и разобраны мосты, соединяющие Париж с Меленом, Провеном, Ланьи и Монтеро. 7 мая 1590 г. Генрих Наваррский достиг Парижа. "Я перед Парижем, где Богу было угодно мое присутствие. Я начинаю штурм... Я заставил сжечь все мельницы... Необходимость в них большая, надо, чтобы в течение 12-ти дней они испытывали голод, тогда сдадутся", - открыл он свой план в одном из писем. Однако наваррец ошибся: Париж продолжал сопротивляться. Военные силы парижан превосходили армию Генриха Наваррского почти в 4 раза. Кроме того, голод коснулся в первую очередь низов, состоятельные горожане по большим ценам скупали зерно и другую провизию у солдат на выезде из города. В то же время проповедники из стана лигеров устраивали грандиозные религиозные церемонии, участники которых должны были давать клятву уничтожить ересь и отдать свою жизнь, защищая истинную религию. Голодным парижанам сулили спасение за верность лиге и пугали адом за измену.

Длительность осады заставила Генриха начать переговоры с городскими властями, которые ни к чему не привели, но вынудили его дать бой на подступах к Парижу. Наваррец решил отвлечь лигеров и испанскую армию от стен города, вызвав их огонь на себя: он провел свои войска в непосредственной близости от противников. Успех сопутствовал операции: поддавшиеся на провокацию, лигеры и испанцы были разбиты. Но до взятия Парижа было еще далеко. Генрих Наваррский предпринимал все новые и новые попытки, одновременно подтверждая свою декларацию от 4 августа 1589 г. о готовности к примирению. Однако его призывы не находили отклика: страх отлучения от церкви, внушаемый папой римским, оказался сильнее.

В январе 1593 г. в осажденном Париже собралась ассамблея сторонников Лиги. На

этом собрании в нарушение традиции престолонаследия был поставлен вопрос о выборах короля. Дебаты лигеров продолжались полгода, но выход так и не был найден. Между тем эта ситуация подтолкнула Генриха Наваррского на решение об отречении от протестантской веры, которого давно от него ожидали. Еще пять лет назад об этом не могло быть и речи. "Дьявол меня опутывает, - писал Генрих Наваррский Диане д'Андуен. Если я не буду гугенотом, то буду турком. Меня хотят подчинить, мне не дают быть тем, кем я хочу" ³ . Но время изменило положение и поставило наследника престола перед выбором.

Что двигало Генрихом Наваррским в принятии столь ответственного решения? Жажда власти или патриотические чувства - спасение Франции перед угрозой испанского владычества? Скорее стремление овладеть престолом, подкрепленное уверенностью в законности своих притязаний. Ин-

стр. 72

тересы наследника престола в известной степени совпадали с национальными устремлениями французов. И это обстоятельство должно было бы благоприятствовать быстрой и прочной победе наваррца. Но в действительности все было намного сложнее. Конфессиональное начало в самосознании имело приоритет перед национальным.

Первым, кто известил о решении Генриха Наваррского был архиепископ Буржа Рене де Бон. Он сообщил об этом парижской ассамблее 1593 г.: "Король решил отречься от своей веры, чтобы быть признанным". 23 июля 1593 г. прелаты собрались в Сен-Дени. Они представляли тот самый национальный собор, который согласно декларации наваррца должен был бы просветить его в католической вере. Однако на этот раз собор взял на себя полномочия отпустить грехи и вернуть в лоно католической церкви претендента на престол. Французское духовенство действовало вопреки воле папы римского. На следующий же день после открытия собора глава Святого престола заявил свой протест, угрожая отлучением.

Церемония отречения Генриха Наваррского описана современниками - Пьером де Л'Этуалем и Пьером-Виктором Палма-Кайе. "В воскресенье 25 июля король, одетый в камзол и штаны из белого сатина, в плащ и черную шляпу в сопровождении нескольких принцев и офицера, а также охраны, состоявшей из швейцарцев и французских кавалеристов, направился к собору Сен-Дени по улицам, устланным коврами и усыпанным цветами. Со всех сторон слышались возгласы "Да здравствует король!" У входа в собор процессию ожидали архиепископ Буржа кардинал Бурбон и несколько епископов и монахов Сен-Дени. Для торжественного акта были приготовлены крест, Библия и освященная вода.

По свидетельству современников, диалог с наваррцем вел архиепископ Буржа Карл Бурбон. "Кто вы такой? - спросил иерарх. В ответ Генрих произнес: "Я - король". "Чего вы просите?" "Я прошу, - отвечал король, - быть принятым в лоно католической церкви". "Вы желаете этого искренне?" Ответ: "Да, я хочу этого". Король стал на колени и произнес свое признание: "Я торжественно заявляю и клянусь перед Всемогущим жить и умереть в римско-католической религии,

защищать ее от опасности ценой своей крови и жизни, отрекаясь от всяких ересей против нее". Это признание, как сообщает П. де Л'Этуаль, было написано на бумаге, и король отдал его, подписав своей рукой. Архиепископ взял эту бумагу и дал ему поцеловать свое кольцо и затем совершил отпущение грехов и благословил короля. После этого Генриху Наваррскому было дозволено войти в храм, где в присутствии иерархов он стал перед алтарем на колени и на святом Евангелии повторил свое признание и клятву. Затем короля подвели к церковному престолу, который он должен был поцеловать перед тем, как исповедаться. После исповеди, согласно ритуала, следовало присутствовать на мессе, и король в сопровождении свиты принял участие в этом торжественном Богослужении. Затем король вышел к народу и по просьбе собравшихся разбросал серебряные монеты, дабы миряне могли прикоснуться к дарам благословенного церковью короля ⁴.

Между тем, отречение от протестантской веры и причащение по католическому обряду не могли иметь действенной силы без санкции римского престола. Генрих Наваррский должен был предстать перед папой. Однако, не считая возможным в данный момент лично явиться в Рим к Клементу VIII, он ограничился посланием. Папа не ответил дерзкому наваррцу. И наследник престола при поддержке галликанской церкви короновался без папского благословения.

27 февраля 1594г., вопреки традиции в Шартре, а не в Реймсе, состоялась торжественная коронация. Генрих дал клятву на Евангелии, обещая содействовать своим подданным жить в мире с Божьей церковью и изгнать с королевской земли всех еретиков. Торжественная церемония началась с освящения королевской шпаги. Генрих принял ее от епископа Шартрского с тем, чтобы затем со словами клятвы положить ее на алтарь в знак защиты церкви. После освящения шпаги следовало помазание короля. Согласно традиции, идущей от Хлодвига, французские короли имели привилегию

стр. 73

получать помазание не только елеем, но "небесными каплями", которые будто бы по преданию хранились в особой ампуле в реймском соборе Нотр-Дам. Коронация в Шартре лишала Бурбона традиционного помазания, ограничив этот обряд. Затем главный камергер Франции передал королю положенную в таком случае одежду - тунику, мантию и королевский плащ, что по церковному соответствовало трем компонентам в одежде диаконов и священников. Вслед за этим был освящен королевский перстень - символ венчания на королевство, и епископ Шартра вручил королю скипетр - знак высшего могущества. Торжественная церемония завершилась публичной исповедью и причащением короля хлебом и вином, как это делали клирики. В этот день король стал понтификом, фигурой, способной творить чудеса и исцелять золотушных.

Спустя почти месяц после коронации, вечером 22 марта 1594 г. Генрих IV без боя вошел в Париж. Гарнизоны Филиппа II покидали город. Парижане в сомнениях и страхе ожидали первых распоряжений нового короля. После долгих лет распрей инерция войны не сразу могла быть остановлена. Генрих IV принял единственно разумное решение - не преследовать своих противников и не конфисковать их

имущество, надеясь своим миролюбием обезоружить бывших врагов.

Однако не все города безоговорочно приняли короля. Жители ряда городов как на севере, так и на юге Франции не безуспешно пытались выкупить свои городские свободы и право на отправление протестантского культа. Сын убитого Генриха Лотарингского герцог Гиз отдал Генриху IV Реймс за 3 млн. ливров. Поддержка в самом Париже обошлась королю в 1 1/2 млн. ливров. Генрих IV без колебаний шел на эти сделки, стремясь убедить своих новых подданных в том, что главная цель его действий не столько заслужить титул первого сына церкви и наихристианнейшего короля, сколько позаботиться о согласии и объединении всех французов.

Этим усилиям короля противодействовала активность еще живой Католической лиги и ее испанского покровителя: Филипп II держал свою казну открытой для оплаты солдат во Франции. Отречение и коронация Генриха Наваррского без санкции римского престола вызвали неоднозначную реакцию как в самой Франции, так и в Риме. Папа опасался излишней самостоятельности французов: пример английского короля Генриха VIII мог оказаться заразительным, да и часть французского духовенства была готова угрожать папе схизмой. Генрих IV, объявив себя защитником католической церкви, вовсе не желал разрыва с Римом. Так или иначе, но осенью 1595 г. в Риме папа Климент VIII согласился заочно принять отречение и, отпустив грехи, ввести французского короля в католическую церковь. Доверенными лицами Генриха IV в Риме выступали аббат д'Осса и епископ Эрве Жак дю Перрон. В их присутствии папа священнодействовал, и эти иерархи дали клятву верности на Евангелии, после чего папа наконец назвал Генриха IV наихристианнейшим королем Франции и Наварры. Санкция папы на отречение и коронацию обязала французского короля выполнить ряд требований, в том числе, восстановить единую католическую церковь в Беарне и обнародовать решения Тридентского вселенского собора католической церкви во всей Франции. Кроме того, папа предписывал Генриху IV не менее четырех раз в год исповедоваться и причащаться, по возможности соблюдать все церковные праздники, а также не нарушать заповеди, особенно 6-ую и 9-ую (не убивать и не лжесвидетельствовать). Генрих IV брал на себя тяжелую ношу: венец и крест.

К тому времени, когда Генрих Наваррский был признан королем Франции и Наварры, ему было 42 года. Борьба за престол и заботы о будущем монархии превратили некогда цветущего рыцаря, гордившегося своим крепким здоровьем, в старика. Уже в 1600 г. венецианский посол в одном из своих донесений писал, что французский король в свои 48 лет выглядит на все 60: печать утомления и забот лежит на его лице. Казалось, что его силы, многие годы сосредоточенные на достижении одной цели, были окончательно подорваны. Его одолевали болезни: камни в почках, приступы лихорадки и бессонница.

стр. 74

Однако этот немощный старик был готов к новой битве за сохранение и укрепление своей власти. Он не оставил своих старых привычек: страсти к охоте и к азартным играм, к быстрой верховой езде, ходьбе и к чувственным удовольствиям. Больные почки и желудок не отвратили его от привычного стола, дичи, фруктов и устриц;

последних он предпочитал поглощать прямо в тонких хрустящих раковинах.

Когда в Лувре разместился его двор, он полюбил свой кабинет. Обдумывая государственные дела, он часто ходил вдоль галерей, по аллеям Тюильри или седлал коня. Любимыми местами его отдыха были замки Монсо, Фонтенбло и Сен-Жермен-ан-Лей, где он чувствовал себя в своей стихии.

Став королем, хозяин Лувра должен был играть свою роль лучше своих предшественников. Бывший еретик оказался под пристальными взглядами как друзей, так и недругов, искавших в его действиях и даже во внешнем облике не ; типичные и порочащие короля черты. Внешний вид Генриха IV был притчей во языцех. Французские короли любили изысканную одежду, украшенную драгоценными камнями, как Франциск I, и парфюмерию, особенно благовония, к которым был неравнодушен Генрих III. Для Генриха IV одежда не была предметом культа. Он смеялся на щеголях, замечая, что те "носят на своих плечах" не только замки, но и рожи, и довольствовался скромным минимумом - суконным серым камзолом и атласным плащом. Его не смущала старая потертая одежда: он ее просто не замечал. За годы войны он так привык носить кирасу (броню) на спине и шлем на голове, что они казались ему обыкновенным платьем. А так как большую часть времени он проводил в седле, то говорил, что скорее протирает голенище, чем подошвы сапог. Современники, в частности Таллеман де Рео, не отказывали себе в удовольствии подчеркнуть отсутствие вкуса и даже неопрятность Генриха IV. Не без внимания осталось вступление короля в Париж: злые языки судачили, что Генрих IV был одет в серый бархатный камзол, безвкусно украшенный золотом. За этой манерой одеваться скрывалось стремление представить себя, в нарушение традиции, даже внешне другим королем, заботящимся прежде всего о государственных делах в ущерб правилам о внешнем виде монарха. В то же время в таком поведении сказывались воспитание и протестантский дух новообращенца.

В описаниях подчеркивалось пристрастие короля к азартным играм. Будучи королем Наварры, в Гиени Генрих любил играть в лапту. К картам он пристрастился уже в Париже, играл по-крупному и мог много проиграть. Его партнерами были герцог Генрих Гиз-младший, герцог Мантуи и Эдуард Португальский, президент Счетной палаты, придворные и представители высшего чиновничества.

И тем не менее этот импульсивный, пассионарный старец, каким он представлялся чужестранцам, сумел удержать власть. Им была упорядочена придворная система. Систематические выезды в провинции уступили место оседлому образу жизни. Двор стал не только символом, но и местом власти. Все церемонии, приемы послов, династические праздники подчинялись протоколу. Лувр, а летом и осенью Фонтенбло, Сен-Жермен и Монсо служили местом работы короля.

Изменились придворные праздники. Знаменитые турниры заменили карусель, театрализованные представления: живые картины и балет. Генрих IV слыл большим любителем этого искусства, одним из первых балетоманов. Придворный балет был театрализованным дивертисментом: артисты в масках увлекали своими танцами зрителей, превращая всех присутствующих в участников праздника. Он стал одним из главных элементов придворной жизни и культа монархии. Сюжеты балетных спектаклей составлялись на злобу дня; их героями часто выступали чародеи и алхимики, действия которых вызывали большой интерес, а также китайские принцы

и короли черных мавров, турки и сарацины - представители неведомого, недавно открытого (благодаря заморским экспедициям) мира. Помимо балета двор любил музыкальные вечера. 24 придворных скрипача услажда-

стр. 75

ли слух французских вельмож. В чести был поэт Малерб, стихи которого перекладывали на музыку. Двор Генриха IV унаследовал от прошлого любовь к итальянской комедии, появившейся во Франции в годы правления Екатерины Медичи. Король обожал веселые спектакли итальянцев.

Организация придворной жизни сделалась частью государственных дел Генриха IV. Он придавал ей большое значение, ибо двор, как фасад монархии, был и лицом государя. Бурбон более, чем его предшественники заботился о восприятии подданными своего образа. В Гиени, став королем Наварры и объединив протестантский юг, он сознательно создавал образ бунтаря. Корона Франции и Наварры обязывала к новому образу: Генрих IV старался играть роль мужественного, справедливого и вместе с тем жизнерадостного донжуана. Его подвиги и деяния воспевали привлеченные ко двору поэты.

Мужественный и жизнерадостный хозяин Лувра был одержим строительством и восстановлением старых дворцов. В годы его правления начались реставрационные и строительные работы в Лувре, пострадавшем в ходе гражданских войн. Особую заботу король проявлял к замкам Фонтенбло и Сен-Жермен-ан-Лей. Ему принадлежала идея строительства мостов через Сену. Но при нем успели отстроить только один мост - Понт-Неф, возведение которого началось еще при Генрихе III. После смерти Генриха IV благодарные подданные установят посередине этого моста бронзовую статую Бурбона на коне. Страсть Генриха IV к строительству, к созиданию отражала горячее стремление короля к умиротворению общества, желание побудить своих подданных наладить мирную жизнь.

Одно из основных условий для осуществления своих проектов он видел в привлечении в свой совет единомышленников. Опыт правления в Гиени убедил его в верности следования правилу - доверять государственные дела лично преданным профессионалам, независимо от их конфессиональной принадлежности. Первый Бурбон на французском престоле не желал выступать ни как покровитель реформированной церкви, ни как наихристианнейший король. Государственные интересы ставились выше конфессиональных. В совете короля почти все члены являлись не потомственными дворянами, а представителями судейского сословия, аноблированными за работу в государственном аппарате. Все они были преданы королю, несмотря на различия конфессиональной принадлежности. Наибольшее влияние имели Сюлли, Бельевр, Жаннен, Брюлар и Виллеруа. С Максимилианом де Бетюном серьеором Сюлли Генриха IV связывали узы давней дружбы. Служивший пажем при королевском дворе в Нераке и участвовавший вместе с наваррцем во многих операциях, Сюлли был alter ego Генриха IV. Не исключено, что короля и его министра сближали протестантское воспитание и близость мироощущения. Убежденного протестанта король назначил сюринтендантом финансов, главным дорожным смотрителем Франции, суперинтендантом военных укреплений, главным

мэтром артиллерии, отдав в его ведение Бастилию, и сделал Сюлли герцогом и пэром. Король ценил ум и верность своего советника и друга.

Вместе с тем, пользуясь услугами своих советников, Генрих IV проявлял большую самостоятельность, не позволяя никому руководить собой. Основной принцип правления выработался еще до коронации на французский престол. 32-летние гражданские войны убедили его, что залог умиротворенности общества в следовании курсу переговоров и разумных уступок - в политике компромисса. Собственный опыт войны и поддержка сепаратистских устремлений протестантов Юга заставили принять неотложные меры по укреплению связей Парижа с провинциями. Может быть, до сих пор никогда так остро не стоял вопрос о статусе подданного французской короны, как в годы правления Генриха IV. Его разрешение в сословном обществе при сохранении сословных привилегий было задачей не из легких. Наконец, сохранялась инерция войны. Эта проблема осложнялась особенностями французского дворянства, наследовавшего рыцарству - профессиональному военному сословию с его представлениями о своем месте и роли в обществе.

стр. 76

После окончания гражданских войн не все французы радовались миру. Для ветеранов война была естественным состоянием, и мир воспринимался ' как отсутствие войны. Поэтому мнение маршала Бирона: "Кому мы будем нужны без войны", - не было случайно оброненной фразой. Генрих IV не мог не учитывать этих настроений. Вкупе с внешнеполитическими интересами Франции, они определили один из первых шагов короля. В январе 1595 г. Генрих IV объявил войну Испании, которая закончилась через три с половиной года сепаратным Вервенским миром 1598 г. на основе Статус-кво.

Забота о дворянстве составляла одно из главных направлений монаршей политики. Широкая практика аноблирования изменила лицо привилегированного сословия, пополнявшегося выходцами, главным образом, из служилого чиновничества. Оберегая старое дворянство, Генрих IV оградил его от натиска новых дворян, сохранив только за ним привилегию получать пенсии и пожалования. Он любил своих старых вояк и видел себя первым среди них. Вместе с тем, желая поставить на ноги привилегированное сословие, он с интересом отнесся к труду Оливье де Серра "Театр агрикультуры" (1601) и к советам этого автора активнее привлекать дворян к организации своих хозяйств в деревне, поощряя рациональные методы хозяйствования.

Что касается чиновничества, то, высоко оценивая профессионализм этих знатоков права, финансов и администрации, Генрих IV пытался извлечь из их доходной посреднической деятельности выгоду для королевской казны. Преследуя эту цель, он ввел налог на право наследования должности ("полетта"), который благодаря практике продажи государственных должностей сулил большие деньги. Это нововведение отвечало требованиям не менее могущественной части французского общества, но приводило к консолидации и независимости служилых мужей от короны. Негативные последствия этой реформы проявятся позже. В годы же

правления первого Бурбона была очевидна финансовая выгода этой акции.

Учитывая не изжитую на местах традицию клиентелы - покровительства вельмож группам мелкопоместного дворянства, Генрих IV прибег к созданию нового института интендантов. На места направлялись представители короля - интенданты, которым доверялось претворение в жизнь королевских решений. С их помощью провинции крепче привязывались к центру. Постоянная смена этих людей преследовала цель не допускать злоупотреблений. Параллельно с этим Генрих IV существенно сократил полномочия местных губернаторов, лишив их права вмешиваться в финансовые и судебные дела и оставив за ними право командовать городскими войсками в случае надобности.

Таким образом, путем разумных уступок, сочетавшимся с радикальными мерами король укрепил свою власть. Особое место занимало разрешение конфессионального вопроса. Его острота не ослабела даже после гражданских войн. Контрреформация и оживление деятельности монашеских орденов, с одной стороны, и не меньшая активность протестантов: проведение национального синода и почти ежегодные местные ассамблеи, с другой, вынуждали Генриха IV определить свою позицию. Тем более, что за конфессиональной отчетливо просматривалась политическая проблема: решался вопрос не только о веротерпимости - праве протестантов на отправление культа, но и об отношениях с оппозицией, с противниками абсолютной власти монарха, умело пользовавшимися конфессиональными лозунгами.

Следуя в своей политике принципу компромисса, Генрих IV был склонен к веротерпимости. Он считал, что для умиротворения французского общества следует официально признать статус протестантов и протестантской церкви. Собрание, состоящее из советников короля, клириков и представителей протестантских церквей решало этот вопрос два года - с 1596 по 1598, пока в апреле 1598 г. в Нанте не был подписан эдикт об умиротворении, о признании легального существования религиозного меньшинства. Уникальность Нантского эдикта заключалась в том, что это была одна

стр. 77

из первых во Франции попыток создания декларации прав подданных короны, провозглашавшей равноправие католиков и протестантов.

Неразрывность конфессиональной и политической проблем предопределили своеобразие эдикта, отразившего особенности монаршей политики. Декларированное равенство в правах могло быть реализовано протестантами в крайне ограниченных пределах. Это касалось отправления культа и было связано с введением строгого запрета на собрания протестантов в Париже, во всех крупных городах, а также в епископствах. Это относилось и к гражданским правам - к праву на образование, на медицинскую помощь и на ритуальные услуги. Эдикт не лишил протестантов этих прав, но в католической Франции не было достаточного количества учебных заведений протестантской ориентации, а госпитали, как и кладбища находились под опекой католической церкви, ревностно оберегавшей свои

привилегии.

В то же время Генрих IV был вынужден пойти на уступку: сохранить за протестантами право на военные крепости в юго-западной Франции, фактически признав сохранение протестантской конфедерации, возникшей в 1575 году. Эта уступка стала ценой внутреннего мира и расплатой за военную помощь, оказанную протестантами Генриху IV в войне с Испанией в 1595 - 1598 годах.

Так или иначе, но Нантский эдикт юридически оформил права католиков и протестантов, и король выступил гарантом этих прав. При всей ограниченности прав протестантов этим эдиктом провозглашался принцип веротерпимости как главный в монаршей политике. Кроме того, для Генрих IV эдикт стал единственной возможностью закрепить свою победу, стоившую ему 18-ти лет, проведенных в походах и сражениях.

Едва надев корону, Бурбон занялся устройством своих матримониальных Дел. 42-летний старец, каким его изображали современники, мечтал о наследнике престола. Для этого ему предстояло расторгнуть брак с Маргаритой Валуа. Разрешение на расторжение брака ставило его снова в зависимость от папы, давая последнему в руки козыри для политической игры. Вряд ли можно было найти более благоприятный случай для вмешательства Рима в дела французской короны. Папа медлил, выторговывая выгодные условия для своего согласия. Понадобилось шесть лет для получения санкции на развод.

В конце 1599 г. Генрих IV наконец получил долгожданный развод, которым воспользовался уже в конце 1600 г., взяв в супруги Марию Медичи, племянницу великого герцога Тосканского Фердинанда и кузину Екатерины Медичи. Бурбон не изменил традиции французских королей брать в жены итальянок. В год расторжения брака с Маргаритой Валуа посол великого герцога Тосканского обсуждал с Генрихом IV вопрос о приданом Марии Медичи, а заодно и о возврате долга; значительные денежные суммы выручили наваррца в трудные времена борьбы за престол. Брачный контракт подписали во Флоренции в апреле 1600 года. Но начавшаяся война с Савойей летом 1600 г. заставила совершить церемонию бракосочетания в отсутствие жениха: во Флоренции его представлял королевский советник Бельгард. Рубенс запечатлел эту необычную свадьбу на одном из своих полотен. После торжественной церемонии Мария Медичи отправилась в свадебное путешествие к мужу. В феврале 1601 г. во Франции появилась новая королева, не говорящая по-французски.

Мария Медичи смогла сделать Генриха IV счастливым отцом, подарив ему четырех наследников. "Храни Вас Бог, храни меня и всесоролество, - писал он супруге, ожидавшей сына, - не сомневайтесь, я Вас люблю, потому что Вы делаете то, что я желаю; это настоящая поддержка моего правления"⁵. Однако брак не изменил привычной жизни короля. Невольник женщины не мог отказаться от своих прежних увлечений и всегда был готов к новым. В 1600 г. была перевернута лишь страница самых счастливых лет большой любви. Признаваясь в своей слабости, Генрих IV, как пишет Сюлли, любил повторять: "Ругают меня за то, что я люблю строить, что охотник до женщин и любовных утех, я не отрицаю, однако скажу, что надлежало бы больше меня хвалить, чем ругать, не зная меры, и всячески

извинять вольность таких забав, которые ни убытка, ни беспокойства не приносят моему народу, почитая их за вознаграждение стольких моих горестей, прежних неудовольствий, трудов, бедствий и опасности, которые я переносил с самого детства... Такие слабости неразлучны с пылкой человеческой натурой, а потому простительны (но только не следует отдаваться им во власть!)" ⁶ .

Следуя главному правилу в отношениях с женщинами - "не отдаваться им во власть" - Генрих IV в отличие от своих предшественников не разрешал фавориткам вмешиваться в государственные дела и руководить собой. В одном из своих писем Габриэль д'Эстре он признавался: "Если бы я был принужден избрать одно - лишиться любовницы, либо потерять министра, охотнее согласился бы потерять 10 таких, как вы, чем одного такого министра, как Сюлли". Это письмо было адресовано самой большой любви Генриха IV. Девять счастливых лет длились их отношения. Габриэль д'Эстре в замужестве мадам де Лианкур, появлялась везде, где бывал король; она присутствовала в Сен-Дени на его отречении и в Шартре на коронации, на ассамблеях и сопровождала его в военных походах. Она подарила ему двух сыновей и дочь. Любовники собирались узаконить свои отношения. Но предполагаемый брак имел много противников. "Народ желал, чтобы король женился на принцессе, а не на непристойной герцогине". Против Габриэль д'Эстре выступал и папа, вынашивая свой план устройства брака короля. Затеянная возня вокруг готовящейся свадьбы сократила дни прекрасной Габриэль: стресс вызвал преждевременные роды мертвого ребенка и роженицу не удалось спасти.

Хотя Генрих IV в своем письме к сестре писал, что горе и сожаление будут сопровождать его до могилы, однако терпения хватило только на четыре месяца. В год смерти возлюбленной он уже писал любовные письма своей следующей пассии Генриетте д'Антраг и одновременно был увлечен маркизой де Верней. Фаворитки недолго занимали его внимание, оставляя след разве что в письмах, отправленных горячим беарнцем в момент желаний. Последней страстью Генриха IV была 14-летняя наследница знаменитого дворянского дома Монморанси Шарлотта. Она танцевала в придворном балете, и старый Генрих часами просиживал на репетициях. Вопреки своим правилам, он стал наряжаться и даже использовать благовония. Неслучайно флорентийский посол, навестивший свою соотечественницу Марию Медичи в Париже, увез с собой впечатление о bordello при дворе, подобному коему никогда не видел.

Между тем, Генрих IV слыл хорошим отцом: он обожал всех своих детей, включая незаконнорожденных. А день рождения наследника престола будущего Людовика XIII 27 сентября 1601 г. стал национальным праздником, торжественность которому придавало то обстоятельство, что Франция не знала дофина со времен Генриха II. Последние Валуа были бездетными и умирали в молодом возрасте. По такому случаю стреляли из пушек во всех французских городах и чеканили медали с изображением дофина Людовика в образе Геркулеса, голыми руками расправляющегося со змеями.

Генрих IV окружил сына большим вниманием и заботой. Вопреки желанию Марии

Медичи и ее прокатолическому окружению, он выбрал для мальчика гувернера, человека образованного и свободомыслящего, ибо хотел видеть будущего короля Франции свободным от плена средневековых представлений. Это желание возрастало по мере осложнения обстановки в королевстве.

Прошлое не желало отступать перед решительностью Бурбона. Все его указы и прежде всего Нантский эдикт встречали в штыки. Парижский парламент и вслед за ним провинциальные судебные палаты отказывались регистрировать решения короля. И Генриху IV приходилось прибегать к крайней мере - лично являться в парламент и требовать удовлетворения. 7 января 1599 г. он заявил в Парижском парламенте по поводу Нантского эдикта: "Вы сделаете это не только для меня, но также для себя и для пользы мира. Я сделал мир вне (Франции - *С. П.*), я хочу сделать его

стр. 79

внутри (Франции - *С. П.*). Вы должны мне повиноваться, как все мои подданные. Те, кто ослушаются моего приказа, должны знать, что это путь на баррикады, к убийству короля. Я разрублю корень зла и сопротивления. Я взойду на стены городов, я буду взбираться на баррикады, которые не так уж высоки" ⁷. Идея компромисса, которую пытался провести в жизнь Бурбон, больше отвергалась, чем находила понимание. За ней усматривали хитрость еретика, подвергая сомнению искренность его миролюбивой политики.

Знаками негативной реакции на появление Генриха IV на престоле и на его политику были неоднократные попытки покушений на его жизнь. Первое относится к 1593 году. Тогда лидер Пьер Баррьер, руку которого направляли иезуиты, выбрал подходящий момент - отречение наваррца. Убеденный в богоугодности своих действий, он замыслил нанести свой удар у входа в храм Сен-Дени. В 1594 г., в год коронации Генрих был ранен Жаном Шателем: послушный ученик иезуитов целился в горло короля, но рассек ему губу и выбил зуб. Суд и казнь убийцы, наделав много шума, послужили основанием для изгнания иезуитов из Франции. 1595, 1598, 1599, 1600, 1601, 1605 годы также отмечены попытками расправы с королем. Покушавшиеся, как правило, были монахи - капуцины и якобинцы, не без влияния иезуитов. Ими двигало стремление расправиться с протестантом, дерзнувшим завладеть престолом. Подтверждением этому служит позитивная реакция церкви на их действия. В "Апологии Жана Шателя" (1595), написанном кюре Ж. Бушером, Генрих IV объявлялся тираном, узурпатором и еретиком.

Однако судьбе было угодно продлить время испытаний Генрих IV до 1610 г. и заставить короля встретить смерть на своем посту. Как писал Сюлли: "Природа наградила государя всеми дарами, только не дала благополучной смерти". В мае 1610 г. он готовился к военному походу на нижний Рейн против австрийских Габсбургов, притязавших на создание универсальной империи. В день покушения Генрих IV отправился в Арсенал на встречу с сюринтендантом Сюлли. Убийца сумел вскочить на подножку кареты во время ее вынужденной остановки и через оконце ножом нанести королю три смертельных удара в грудь. Раскаявшийся еретик, введенный папой в лоно католической церкви, был убит Франсуа Равальяком, монахом-

фельном из нового ордена, возникшего в Париже в XVI веке. Рукой монаха свершился приговор, вынесенный Генриху IV не только римско-католической церковью и папистами, но и силами в самой Франции, не признававшими новаций, увидевшими в действиях короля наступление на традиционные права знати. Политика компромиссов стремление поставить государственные интересы выше конфессиональных обернулись для Бурбона смертью.

Вечером 14 мая 1610 г. тело покойного приготовили к прощанию. Полтора месяца гроб с бальзамированным трупом стоял в Лувре. Похороны состоялись в королевской усыпальнице Сен- Дени 1 июля. Сердце короля, согласно его распоряжению, было передано для захоронения в капелле иезуитской коллегии Ла Флеш. Как и при жизни, Генрих IV не переставал удивлять современников своей оригинальностью.

Но противникам Бурбона рано было праздновать победу. Его гибель не только не унесла в могилу память о нем, но напротив, дала новый импульс легендам, дополнив некогда созданный образ Генриха IV чертами невинно убиенного. Чаще всего его представляли защитником вдов и сирот, страдальцем и благодетелем, а также рыцарем Ренессанса. Его изображали рядом с Цезарем, Александром Македонским, Карлом Великим и даже с Геркулесом, дополняя картинки словами: "Прекрасный среди самых блестящих мужей" или "Гальский Геркулес". В античной манере его рисовали героем Олимпа: подобно Геркулесу, выбирающему между добродетелью и пороком. В год смерти короля Клодом Билларом была написана трагедия на античный лад "Трагедия Генриха Великого". На гибель Бурбона откликнулись иезуиты коллегии Ла Флеш, которым покровительствовал Генрих IV. В своем панегирике они сравнивали его с Людовиком Святым и приписывали ему добродетели императоров Константина и Феодосия и царей Давида и Соломона.

стр. 80

Апология Генриха IV заняла видное место во французской правовой мысли. Известная самостоятельность короля в отношениях с римским престолом импонировала галликанской церкви. Фигура Генриха IV стала воплощением национального единства и государственного суверенитета. На волне защиты национальных интересов появилась целая серия трактатов о правах и суверенитете французского короля, авторы которых стремились доказать богоизбранность Франции, ее королей и богоугодность французской системы государственного управления. Абсолютная монархия, над укреплением которой трудился Генрих IV, набирала силу.

Примечания

1. Lettres missives d'Henri IV. 8 vols. P. 1843 - 1872.
2. Мемуары королевы Марго. М. 1985, с. 60, 69, 70.

3. Lettres missives, vol. 5, p. 19, 31; vol. 3, p. 17.

4. ESTOILE P. de. Journal du regne de Henri IV, roi de France et de Navarre. Vol. 1. Le Haye. 1741, p. 45 и др.

5. Lettres missives, vol 8, p. 21.

6. См. Дух Генриха IV, или собрание всяких любопытных анекдотов, изящных поступков, остроумных ответов и несколько писем сего государя. М. 1789, с. 37.

7. ESTOILE P. de. Journal, vol. 2, p. 15.